

М.А.КЛУПТ

*д.э.н., проф., Санкт-Петербургский государственный
университет экономики и финансов*

КАК ОТРАЗИТЬ ЕДИНСТВО ВСЕМИРНОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ?

Опубликовано в: Проблемы народонаселения в зеркале истории. Шестые Валентеевские чтения. Сборник материалов международной конференции Москва, 22-24 апреля 2010г., Москва, МГУ им. М.В.Ломоносова -М.:МАКС Пресс, 2010, с.321-328

Два подхода к одной истории

«Всемирная история, не есть только сумма частных историй, т.е. историй отдельных стран и народов» - писал чуть более века назад Н.И.Кареев (Кареев, 1903). Сказанное справедливо и для всемирной демографической истории. Но как отразить ее единство? Причиной, побудившей автора вновь обратиться к этой извечной проблеме, стали два разнонаправленных потока исследований, выполненных в последние десятилетия в смежных с демографической историей (и теорией) областях. Один из них (Капица, 1992, 1999; Kremer, 1993; Подлазов, 2001; Кортаев, Комарова, Халтурина, 2007 и др.) представлен компактными математическими моделями, описывающими динамику численности человечества в целом, без разделения его на структурные составляющие - территориальные, культурные или какие-либо другие. Подобный подход (назовем его *холистическим*) исходит из того, что «при анализе глобального демографического процесса возрастно-половые составляющие, пространственное распределение, а также различные факторы неравномерности развития и миграция в первом приближении несущественны. Далее также предполагается, что все используемые количественные характеристики являются *усредненными* на временных интервалах, достаточных для устранения вызванных случайными факторами отклонений от общего тренда» (Подлазов, 2001).

Второй поток исследований движется в противоположном направлении и представлен социологическими - в широком смысле термина - работами. Это концепция *multiple modernities* – «многообразия современностей» (Mouzelis, 1999; Eisenstadt, 2000; Виттрок, 2002 и др.), подход И.Валлерстайна, делящий мир-экономику на ядро, полупериферию и периферию, теория сегментации рынка труда, фокусирующая внимание на его структурной неоднородности и мигрантских нишах. Если в работах первого потока роль структуры игнорируется (пусть и «в первом приближении»), то во втором занимает

центральное место. В отличие от первого - холистического подхода, назовем второй подход *структурным*.

Моя позиция (Клупт, 2005, 2005а, 2006, 2008 и др.), состоит в том, для представления демографической истории человечества как единого целого вовсе не обязательно абстрагироваться от наличия у этого целого структуры. Напротив, без анализа взаимодействия элементов такой структуры (конфликтного, кооперативного или еще какого-то иного) нельзя найти ответ на многие ключевые вопросы демографического прошлого и будущего. Последнее утверждение может показаться очевидным, не требующим доказательств. Однако сравнение теоретических парадигм, господствующих в современной социологии и демографии, приводит к иным выводам. Если в социологии концепции однолинейного развития рассматриваются как пережиток европоцентристского прошлого, то в демографии теории перехода (первого, второго, эпидемиологического), явно тяготеющие к однолинейности, по-прежнему занимают лидирующие позиции. Математические модели, о которых говорилось выше, лишь усиливают данную тенденцию. Таким образом, если для современной социологии и, насколько я могу судить по обобщающим работам Х.Дж.М.Классена (2000) и А.В. Коротаяева (2003), социальной антропологии все более характерен структурный подход ко всемирной истории, то для демографии – по-прежнему холистический.

Технические инновации, информационный обмен и демографический рост

Гиперболический рост населения Земли, наблюдавшийся, по мнению ряда исследователей, с незапамятных времен до конца 50-х (по другим расчетам – до начала 70-х) годов XX столетия – одна из наиболее обсуждаемых тем «математической истории» (см., например, Малинецкий, Ахромеева, 2009).¹ Большинство авторов, работающих в рамках данного направления, полагают, что такой рост имел информационную природу. «Десятикратный рост численности населения, - пишут, например, А.Коротаяев и его соавторы означает и десятикратный рост числа потенциальных изобретателей, а значит и десятикратное возрастание относительных темпов технологического роста» (Коротаяев, Комарова, Халтурина, 2007, с.26-27). По их мнению, наблюдается «нелинейная положительная обратная связь второго порядка, [которая] выглядит следующим образом: технологический рост – рост потолка несущей способности земли (расширение экологической ниши) – демографический рост – больше людей – больше потенциальных изобретателей – ускорение технологического роста – ускоренный рост несущей

¹ Обсуждение вопроса о надежности данных, на которых основывается «закон гиперболического роста» вполне правомерно, но выходит за рамки данного доклада.

способности земли – еще более высокий демографический рост – ускоренный рост числа потенциальных изобретателей – еще более быстрый технологический рост – дальнейшее ускорение темпов роста несущей способности земли и т.д.» (там же, с.27).

На мой взгляд, подобное объяснение не является убедительным. Темпы технического прогресса в различных регионах Земли резко отличались друг от друга. Очень часто его пионерами были отнюдь не те страны, где население было самым многочисленным или быстрорастущим. Допущение о пропорциональности темпов технологического роста численности «потенциальных изобретателей» не имеет поэтому достаточных оснований.

Издержки подобного допущения сразу же дают о себе знать – модель упускает из вида один из сложнейших вопросов всемирной истории - почему в одних странах (культурах, цивилизациях) «потенциальные изобретатели» в массовом количестве превращались в реальных, а их изобретения воплощались в практику, тогда как в других этого не происходило. Сегодня создание атмосферы, благоприятствующей созданию и внедрению инноваций, повсеместно признается одной из ключевых задач социального и экономического развития. Нет, однако, никаких свидетельств того, что успехи различных стран в решении этой задачи пропорциональны темпам роста численности их населения. Упомянем в этой связи и законный вопрос С.В.Циреля - каким образом население мира могло расти по квадратической гиперболе в середине двадцатого века, когда демографический рост обеспечивался в основном развивающимися странами, вклад которых в мировой технологический прогресс был очень невелик? (Цирель, 2003).

Можно, конечно, возразить, что пропорциональность технологического роста числу «потенциальных изобретателей» обнаруживается лишь на очень протяженных временных интервалах. Однако и при анализе на таких интервалах выясняется, что решающее влияние на ход истории (в том числе, демографической) оказывала не численность «потенциальных изобретателей» как таковая, а география появления инноваций, и, выражаясь современным языком, их внедрения в практику.

Опережающие темпы технического прогресса на европейском континенте послужили, например, одной из важнейших причин завоевания Латинской Америки конкистадорами и вызванного им десятикратного (Brea, 2003, p.5) уменьшения численности индейцев на доступных колонизаторам территориях. Этнотерриториальная структура населения Латинской Америки и сегодня несет на себе явный отпечаток этой демографической катастрофы и последовавшего массового завоза в регион африканских рабов. Последний опять-таки был напрямую связан с неравномерностью темпов технического прогресса в Европе и Африке.

Первый демографический переход: один или два в одном?

Господствующий в демографии взгляд на первый демографический переход исходит из того, что происходящее в его ходе снижение рождаемости неразрывно связано с ростом автономии индивида от коллектива (семьи, общины, государства и т.д.). Однако в Китае снижение рождаемости, было связано не с ростом, а с ограничением индивидуальной автономии. «Политика одного ребенка» содержит недвусмысленный набор государственных правил, которым индивид должен неукоснительно следовать в своем демографическом поведении. Такая политика оказалась органичной частью китайской модернизации, отношения между государством и индивидом в процессе которой существенно отличались от тех, что имели место на Западе.

В рамках первого демографического перехода наблюдались, таким образом, два различных процесса. И тот и другой были частями более общего процесса глобальной модернизации. Однако двигателем одного была автономизация индивида, двигателем другого – жесткое ограничение свободы его действий государством. Поскольку первый из этих процессов начался раньше, ряд теоретиков поспешил объявить его универсальным для всей планеты. Получилось не просто усредненное описание процесса, а описание, при котором детерминанты одной из его составных частей были истолкованы как детерминанты процесса в целом. Такой взгляд когда-то вполне соответствовал господствовавшей парадигме, приравнивавшей модернизацию к вестернизации. Сегодня, он явно диссонирует с концепцией множественности путей модернизации, доминирующей в социальных науках.

Второй демографический переход: генеральная тенденция или одна из тенденций?

Не допускается ли, та же ошибка и в отношении второго демографического перехода? На мой взгляд, нет достаточных оснований считать его определяющей тенденцией в странах, закончивших первый демографический переход. Скорее, речь может идти о множественности форм приспособления демографического поведения к реальности, «линейке» типов такого поведения, одни из которых ближе, а другие – дальше от северо- и западноевропейского феномена.

В странах Восточной Азии, например, снижение рождаемости и повышение возраста вступления в брак не сопровождалось – в отличие от Северной и Западной Европы распространением внебрачных союзов – одинокие молодые мужчины и женщины предпочитают проживать вместе с родителями (Atoh, Kandiah, Ivanov, 2004). Тот же

феномен по-прежнему наблюдается в Южной Италии, в то время как в северной и центральной частях страны внебрачные сожительства получают все большее распространение (Di Giulio, Rosina, 2007). Эмпирические данные (Lesthaeghe, Neidert, 2006) свидетельствуют, что население США расколото на две примерно равные части - «либералы» придерживаются ценностей и паттернов демографического поведения, близких к западноевропейским, «консерваторы» их не приемлют.

Причисление всех современных тенденций ко второму демографическому переходу часто связано с ошибочной или, как минимум, спорной методологией исследования. Создатели теории второго демографического перехода (см., например, van de Kaa, 1996; Surkyn, Lesthaeghe, 2004) сопрягают его со сдвигом от «материалистических» ценностей (стабильный доход, исправно функционирующая система социального обеспечения, политическая стабильность, закон и порядок) к «постматериалистическим» - «укорененной снизу» (grass rooted) демократии, заботе об окружающей среде, свободе слова, эмансипации, новым политическим идеям. При таком определении, однако, возникают обоснованные сомнения в возможности второго демографического перехода в странах, политическая культура которых существенно отличается от западной, а также в группах населения, для которых, в силу недостаточно высокого уровня жизни, или иных причин, «материалистические» ценности важнее «постматериалистических». Ввиду этого демографы, исследующие вопрос о наличии/отсутствии признаков второго демографического перехода за пределами Запада, обычно предпочитают не вспоминать о списке «постматериалистических ценностей» и обращаются к собственно демографическим индикаторам. В качестве них обычно используют изменение возраста вступления в брак и рождения первого ребенка, долю женщин, состоящих во внебрачных союзах, долю внебрачных рождений, долю женщин, не родивших за свою жизнь ни одного ребенка, долю одиноких в населении и т.д. При этом игнорируется тот факт, что за сходными значениями демографических индикаторов могут стоять различные по своему социальному смыслу тенденции.

Так, в Северной Европе внебрачные рождения происходят в стабильных внебрачных союзах и означают отказ от традиционных институтов в духе второго демографического перехода. В США, напротив, такие рождения часто не имеют ничего общего со вторым демографическим переходом и традиционно рассматриваются как один из атрибутов социальной неустроенности, характерной для представителей меньшинств, имеющих низкие доходы. В России, по данным исследования Б.Перелли-Харрис и Т.Джербера (Perelli-Harris, Gerber, 2009), у менее образованных женщин зачатие во внебрачном союзе приводит к зарегистрированному браку реже, чем у женщин с высшим образованием.

Внебрачные сожителства часто оказываются не симптомом перехода к «постматериалистическим ценностям», а суррогатом, к которому вынужденно прибегают женщины, не имея возможности найти подходящих для полноценного брака партнеров. Зарегистрированный брак, полагают названные исследователи, по-прежнему остается в России индикатором больших возможностей и стабильности, связанных с высшим образованием.

Миграции и стратификация принимающих обществ

Снижение темпов роста мирового населения в ближайшие десятилетия, судя по всему, неизбежно, не вполне ясны лишь количественные характеристики этого процесса. Значительно большая неопределенность связана с изменениями социальной и экономической структуры принимающих обществ мирового Севера под воздействием миграционного притока из стран мирового Юга. Данный процесс носит многовариантный характер, формируя конфигурации, обладающие различным конфликтным потенциалом. Так, вследствие особенностей расселения иммигрантов в лондонской, мадридской, парижской и римской агломерациях, социально-экономические риски, связанные с иммиграцией, различаются по своей величине и характеру (Капралов, 2009).

Потенциальная конфликтность указанных процессов пока приглушена готовностью мигрантов выполнять непривлекательные для местного населения виды труда и заинтересованностью элит Севера в дешевой рабочей силе Юга. Однако оба этих фактора могут оказаться временными или недостаточно сильными для того чтобы нейтрализовать недовольство значительной части местного населения и мигрантов друг другом. Тематика перенаселения (истинного или мнимого) постепенно отходит на второй план, уступая место проблемам, порождаемым формированием в странах Севера «параллельных обществ», создаваемых выходцами из стран Юга.

Заключение

Абстрактная постановка вопросов о том, «что полезнее» – средние величины или показатели структуры, модели, в которых учитывается один «параметр порядка» или несколько, вряд ли оправдана – ответы определяются особенностями объекта и предмета исследования. Актуальность структурного подхода к исследованию глобального демографического развития обусловлена структурным характером связанных с ним проблем.

Очевидна и связь рассмотренной выше тематики с извечным спором сторонников всемирно-исторической и культурно-исторической (цивилизационной) концепций. На мой

взгляд, для отражения единства всемирной демографической истории наиболее плодотворен их синтез. Демографическое развитие не является жестко детерминированным процессом. Как и в случае процессов биологической и социальной эволюции (Лима де Фариа, 1991; Коротаев, 2003), оно происходит в рамках эволюционного поля, в котором движение в одних направлениях оказывается менее вероятным, в других – более вероятным, в третьих – в принципе невозможным. Общепланетарные импульсы преломляются в призмах специфических институциональных структур, сложившихся в регионах Земли, в силу чего их демографическое развитие происходит по специфическим, но взаимозависимым траекториям (подробнее см.: Клупт, 2008). Между регионами происходит постоянный обмен – людьми, идеями, технологиями. Этот обмен поддерживает единство всемирной демографической истории и поддерживается ею.

Литература

Виттрок Б. 2002. Современность: одна, ни одной или множество? Европейские истоки и современность как всеобщее состояние // Полис.. № 1, с. 141-159.

Капица С.П. 1992. Математическая модель роста населения мира//Математическое моделирование. Т.4, №6, с. 65-79.

Капица С.П. 1999. Общая теория роста человечества: Сколько людей жило, живет и будет жить на Земле - М.: Наука. – 240 с.

Капралов А.В. 2009. Расселение иммигрантов в крупнейших городских агломерациях зарубежной Европы. Автореф. дисс... канд. геогр. наук. – М.:МГУ.

Кареев Н.И. 1903. Общий ход всемирной истории. Очерки главнейших исторических эпох. - СПб.: Брокгауз-Ефрон. - 303 с.

Классен Х.Дж.М. 2000. Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма//Альтернативные пути к цивилизации/Ред. Н.Н.Крадин и др.– М.:Логос, с.6-23.

Клупт М.А. 2005. Теория демографического развития: институциональная перспектива//Общественные науки и современность. №2, с.139-149.

Клупт М.А. 2005(а). Демографическое развитие в поляризованном обществе//Народонаселение. №4. с.54-65.

Клупт М.А. 2006. После перехода: демографические различия в современном западном мире//Известия русского географического общества. т.138, вып.6, с.58-64.

Клупт М.А. 2008. Демография регионов Земли. - СПб.: Питер, – 347 с.

Коротаев А.В. 2003. Социальная эволюция, факторы закономерности, тенденции. – М.: Восточная литература – 278 с.

Коротаев А.В., Комарова Н.Л., Халтурина Д.А. 2007. Законы истории. Вековые циклы и тысячелетние тренды. - М. :УРСС. -256 с.

Лима де Фариас А. 1991. Эволюция без отбора. Автоэволюция формы и функции. - М.:Мир.

Малинецкий Г.Г., Ахромеева Т.С. 2009. Математическая история. Прошлое для будущего//Проблемы математической истории. Основания, информационные ресурсы, анализ данных/Под ред. Г.Г.Малинецкого и А.В.Коротаева - М.: УРСС, с.32-52.

Подлазов А.В. 2001. Основное уравнение теоретической демографии и модель глобального демографического перехода/ИПМ им. М.В.Келдыша РАН.

Цирель С.П. 2003. О феноменологической теории роста С.П.Капицы//Демоскоп Weekly, №139-140 <http://www.demoscope.ru>

Atoh M, Kandiah V., Ivanov S. 2004. The Second Demographic Transition in Asia? Comparative Analysis of the Low Fertility Situation in East and South-East Asian Countries// The Japanese Journal of Population, Vol.2, No.1, March.

Brea J. 2003. Population Dynamics in Latin America//Population Bulletin. Vol.58, No. 1.

Di Giulio P., Rosina A. 2007. Intergenerational family ties and the diffusion of cohabitation in Italy//Demographic Research, vol.16, pp. 441-468.

<http://www.demographic-research.org/Volumes/Vol16/14/16-14.pdf>

Eisenstadt S. 2000. Multiple modernities //Daedalus. 129, 1.

Kremer M. 1993. Population Growth and Technological Change. One million B.C. to 1990//The Quarterly Journal of Economics vol.108 No 3 Aug., pp.681-716.

Lesthaeghe R., Neidert L. 2006. The “Second Demographic Transition” in the U.S.: Spatial Patterns and Correlates. Population Studies Center. Research report 06-952. March.

Mouzelis N. 1999. Modernity: A non-European conceptualization // British Journal of Sociology. Vol. 50.No. 1. P. 141-159.

Perelli-Harris B., Gerber T. 2009. Non-marital childbearing in Russia: second demographic transition or pattern of disadvantage? MPIDR Working Paper , WP 2009-007, March <http://www.demogr.mpg.de/papers/working/wp-2009-007.pdf>

Surkyn J., Lesthaeghe R. 2004. Value Orientations and the Second Demographic Transition (SDT) in Northern, Western and Southern Europe: An Update// Demographic Research, Special collection 3, article 3 <http://www.demographic-research.org/special/3/3/>

Van de Kaa, D.J. 1996. Anchored narratives: the story and findings of half a century of research into the determinants of fertility//Population Studies 1996, 50(3), pp. 389-432.